

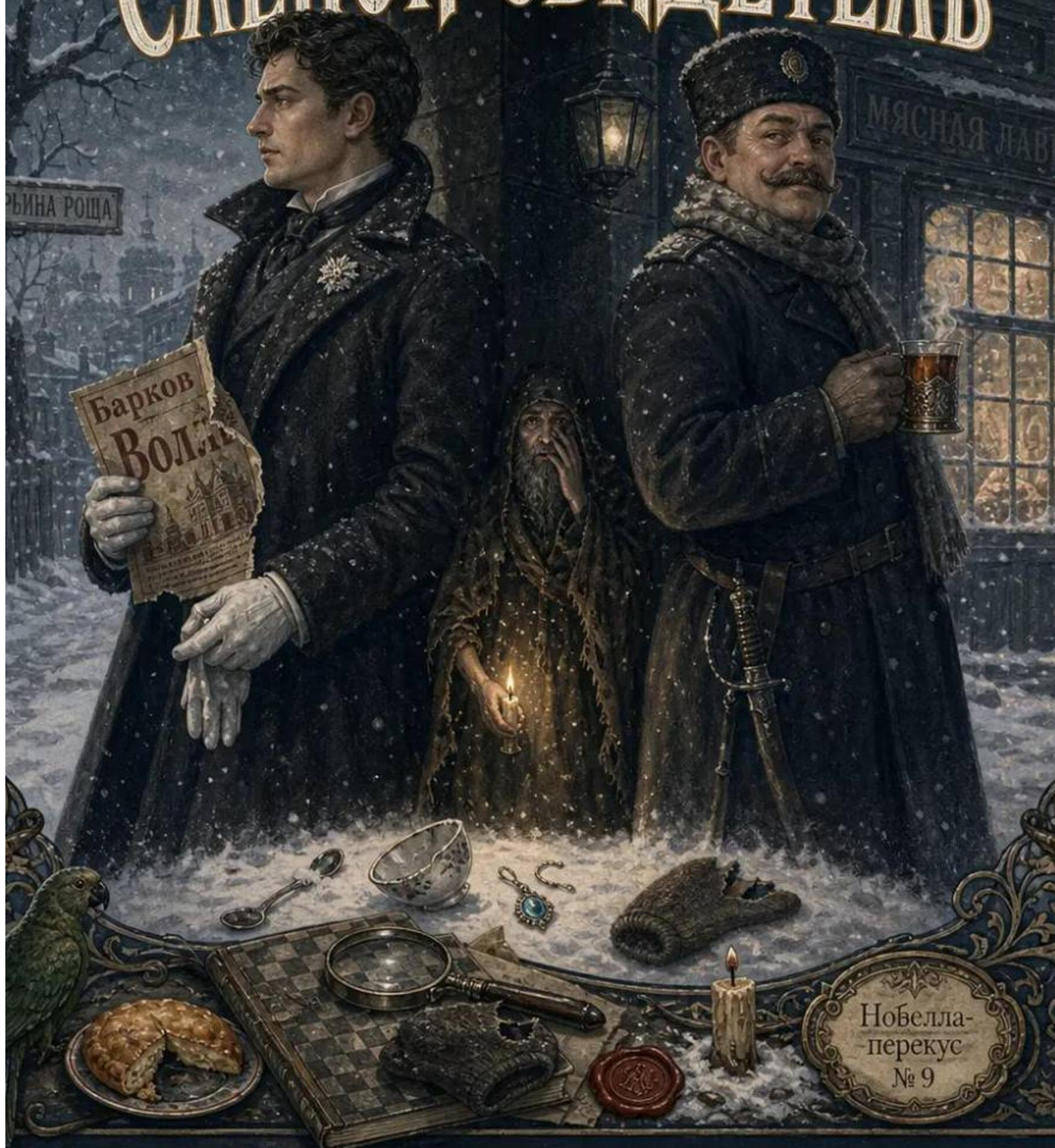
ХРОНИКИ РУССКОГО СЫСКА

Сергей Диковинный

ВЫПУСК

№ 2

СЛЕПОЙ СВИДЕТЕЛЬ

Нобелла-
перекус
№ 9

Сергей Диковинный

**Хроники русского сыска. Выпуск
второй. Слепой свидетель**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Хроники русского сыска. Выпуск второй. Слепой свидетель /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Москва, 1886 год. Московское сыскное отделение, агент Игнат Куракин — человек нелюдимый, с чемоданом вместо портфеля и с театральным прошлым, о котором не рассказывает никому. При нём околоточный надзиратель Иона Васин — двадцать лет службы, тетрадь в клетку и привычка записывать всё, даже то, что не понимает. Четыре дела. Четыре московских зимы и вёсны. Дело первое — о человеке, который не мог умереть дважды. Дело второе — о том, кого взяли на сцене. Дело третье — о театре «Аркадия», где нашлось три Баркова, а убийц оказалось двое. Дело четвертое — о «Фениксе», который сгорел и возродился из пепла. Куракин не гонится за преступником. Куракин даёт ему думать, что его не видят. А Васин записывает: «След всегда больше вещи», «Актёр играет чужую жизнь, сыщик читает свою», «Пирожок у Егорова с капустой». Цикл исторических детективов о двух следователях, которые ловят московских убийц не погоней, а терпением.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мясной запах	5
Глава 2. Дело пахнет иначе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Хроники русского сыска. Выпуск второй. Слепой свидетель

Глава 1. Мясной запах

Меня разбудили ни свет ни заря.

Я, Иона Аркадьевич Васин, околоточный надзиратель второго участка Пречистенской части, сидел у себя в каморке у Мясницких ворот, в шинели поверх халата, и смотрел, как Агафья выносит мне горячий чайник.

Чайник был медный, закопчённый. От него шёл такой пар, что на нём можно было разглядеть морозное солнце.

— Два куска, — сказала Агафья. — И не больше.

— Почему два-то?

— Вчера три положил. Я видела.

Я не стал спорить. Она была права. Она всегда права, а я всегда нет, и мы оба к этому давно привыкли.

Только я взялся за стакан — в дверь постучали.

Вошёл городской с Марьиной рощи. Молодой. Утренний ужас ещё не успел сойти с него, но держался он ровно.

— Ваше благородие. Там торговка убитая. В лавке. Астахова.

Я поставил стакан. Так осторожно, что не расплескал.

Чаю в тот день я так и не выпил. И это, пожалуй, единственное, что я о том деле помню с сожалением.

Марьиная роща в декабре — это не место. Это запах.

Мясной — от лавок и лабазов. Мороженный — от снега. Промозглый — от людей, которые там жили: от нищих, от беспризорных, от юродивых, от всех, для кого Марьиная роща была не окраиной, а последним прибежищем.

Лавка Катерины Астаховой стояла в конце порядков, у самого откоса. Мясных лавок тут было немного, и все они держались крепко. А у Катерины был ещё второй промысел.

Она пускала спать тех, кому некуда.

Нищих. Старух. Бродячих актёров без ангажемента. Всех, за кого не заступался никто.

А теперь её саму убили. И заступиться за неё тоже было некому.

Я вошёл в лавку.

Сундучок вскрыт. Пол взрыт. Денег нет. Серебра нет. Всё — как по писаному.

И ещё — с порога слышался запах. Мясо. Уксус. И чуть-чуть — железом.

Я вышел наружу и не мешал.

На улице уже давали сцены — и без меня.

Урядник Прудников сидел на табурете и писал протокол. «Разбойное дело», «грабёж», «следствие прекращается в кратчайшие сроки». Прудников славился тем, что не любил длинных дел. Как и всякий неумный малый.

И тут показался Куракин.

Он шёл по улице ровно, будто утро было не морозное, а апрельское. Сюртук отличного сукна. Трость. Безупречно белые перчатки — на морозе, где всё белое часа не выдерживает.

За ним, чёрт знает откуда прибившись, ковылял старый шарманщик с шарманкой без валика. На плече у него сидел зелёный попугай. Архип.

Куракин вошёл в лавку. Осмотрелся. Никого ни о чём не спросил. Прошёлся. Посмотрел на сундучок, на полки, на снег у порога.

Потом обернулся к Прудникову.

— Прудников. Полог отчего сняли?

— Какой полог, ваше благородие?

— Тот, что на крюке у входа висел. Его утром сняли. На снегу — четыре дырки от крючьев. Я по ним вижу.

Прудников растерялся.

Куракин снял перчатки. Присел. Поднял с полу что-то маленькое.

Мужская рукавица. С левой руки. Старая. Большой палец оторван.

— Разбойное дело, значит, — сказал он задумчиво. — Рукавица на полу. Полог снят.

Четыре дырки. Занятно.

Он положил рукавицу в карман — аккуратно, в промокашку.

На улице поднялся гвалт.

Городовой вёл под руки небольшого сутулого старика в старой ряске с чужого плеча. Дырявый платок поверх шапки. Длинная седая борода. Шёл он сам. Не сопротивлялся.

Юродивый Митрофан.

Куракин посмотрел на него долго.

— Отпустите, — сказал он.

Городовой отпустил.

Митрофан постоял. Посмотрел на лавку. Обернулся на Куракина. Перекрестился. И сказал хрипло, показывая пальцем то на Куракина, то в сторону приезжего тракта:

— А-а-а-ртист!

Один раз. Разборчиво. Как умел.

Прудников загоготал.

— Ваше благородие, что вы его слушаете? Он юродивый. Он мне позавчера про театральную маску говорил, которая куковать будет. А вчера — про белого кота, которого в доме нету.

Куракин промолчал. Только посмотрел на Прудникова ровно, без всякого выражения.

Прудников замолчал сам.

Я стоял рядом и думал: вот оно. Разбойного дела у нас больше нет. У нас теперь дело Куракина.

Шарманка тихо играла в стороне. Архип сидел на плече у Лукьяна и дремал.

А Митрофан всё стоял на снегу и повторял уже шёпотом:

— Артист. Артист. Артист двух лиц.

Так началось наше второе дело.

Глава 2. Дело пахнет иначе

Куракин начал с лавки. Не потому что там труп, а потому что там начало.

— Место всегда первое, — сказал он и снял вторую перчатку.

Мы вошли. В лавке было холодно, как в погребе. Тело уже убрали, но на полу остался контур — обведённый мелом рукой Прудникова. Кривовато, я бы сказал.

Крови почти не было. Так, пятно у сундучка. Небольшое, аккуратное.

— Ты на кровь не смотри, — сказал Куракин, будто прочитал мою мысль. — Кровь на полу — для доктора. Смотри на воздух.

— На какой воздух?

— Пахнет, — сказал он. — Слышишь?

Я принялся.

— Мясо. Уксус. И железом малость.

— Железом, — повторил Куракин. — Хорошо. Стало быть, ты слышишь.

Он прошёл к сундучку. Опустился на корточки.

— Мясом пахнет всякий день, — сказал он. — Так что мясо нам не в помощь. А вот железом пахнет тёплым. Так пахнет, когда серебро держали в руке.

Я посмотрел на пустой сундучок. Ложки, чашки, серьга. Рублей на двадцать. Всё выгребли, как по списку.

— Стало быть, разбойники взяли серебро и грелись им дорогой?

— Не грелись. Держали в руке. Близо подносили к лицу. Так принимают.

— Зачем?

— Затем, что не хотят брать. Берут — потому что надо. А не хотят.

У меня по спине прошёл холод. Бывает у меня такое — редко, но бывает.

Дальше Куракин читал лавку. Я так не умею. Я смотрел на него, как смотрят на фокусника, — только без удивления. Удивляться Куракину я себе давно запретил: всё равно не поможет.

Он прошёлся по полу. Погладил ладонью полки. Опустился на корточки у порога и долго смотрел на снег, который тут же, у двери, был чуть взрыт.

Обернулся ко мне.

— Иона Аркадьевич. Сколько в лавке было человек?

— Один убил, — говорю. — Может, двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.